

Таня Стар

Как сыр в масле...

Эта история о самом ленивом коте не выдумка, он и сейчас лёжа на диване, бороздит мыслями просторы Вселенной или ещё чего-то там.

Сродни тигрице кошка, окотившись, зализывала родовые раны, полагая, что уже все котята явились на свет, как вдруг нежданно-негаданно высунулась очаровательная голова и последний из помёта, шмякнувшись на землю, чуть слышно запищал: «Здрате! Вот он я... принимайте!»

Первая мысль последыша (а это был кот) была слишком претенциозная, она и сформировала неуживчивый характер новоиспечённого жителя планеты Земля: «Вы чё братаны, оборзели?!.. Почему не разбудили? Хотя бы в бок пихнули, что пора. *Пре-да-те-ли!*.. — нудно бубнил крепыш. — Три месяца я делил с вами живот. А вы, как только вышли на волю, немедля про меня забыли?.. Мало того, что в утробе непрестанно отжимали последний кусок, так ещё и в родах кинули».

С такими лукавыми мучительными мыслями уродиться плутоватый, знаменитый байками кот.

Мамашка почистила шёрстку отщепенца также тщательно, как и другим полосатикам и, он

тут же, примостился к опустошённой сородичами титьке. Малыш отчаянно тягал её из последних сил в надежде подкрепиться. Донельзя намаившись, он чтобы не пищать от голода, повис на мамке, плотно вцепившись в сосок. Отогревшись в тёплых пушистых объятиях, котёнок забылся сном и, сопя, тешил себя надеждой натрескаться от пуза: «...пусть и пустая, зато незанятая ...я буду первый, кто её опустошит следующий раз...».

Ночью от урчания в животе, он проснулся, услышав похрапывания и писк неблагосклонной к нему родни и, потягав титьку, наскребал напёрсток еды. Сытый, он словно клещ, напившийся крови, отвалился, и мертвецки уснул, хоть выноси его куда хочешь, не услышит.

Он рос более или менее счастливо, если бы не совал свой нос, куда не след во все дыры, из-за чего часто влетал в неприятные истории. Борьба за выживание и место под солнцем научила его быть стойким к невзгодам и выносливым к голоду. Спустя десятилетие его темперамент поутих, интерес к неизведанным далям канул в лету, и на смену пришло философское спокойствие и отрадная лень.

Теперь это был огромный жирный, потерявший талию кот, который то и делал, что жил мечтами. Его лень достигла абсурдной глубины, теперь он мог есть из миски лёжа, и если бы не

естественные надобности, он так и валялся бы, будто коврик у порога, урча под нос любимые мелодии. Чаще всего размышления этого славного кота сводились к одной главной мысли: «Если бы я был...».

Итак, вот Вам рассказ из первоисточника...

Понятное дело, что у человека с именем Михаил (это имя моего хозяина) фантазии ни на грош, поэтому он, завидев меня, назвал первым словом, которое пришло ему в голову и умилившись произнёс скрипучим голосом (наверное, много курил): «Что за прелестный кот! Смотри дорогая, у него мурзатая мордочка от чёрного пятна... назовём его *Мурзик* ».

Мужик сразу мне не понравился.

— ...ха-ха! ...*Мурзик* ... он, что издевается?.. уверяю, что он скоро узнает почём фунт лиха, если ещё хоть раз произнесёт эту скверную кличку!.. — и я затаил злость на ещё незнакомого мне дядьку.

Видите ли, он восхитился моей мордашкой. Я понимаю это иначе... если тебе кто-то нравится (впрочем, я никогда не сомневался, что стал любимцем семьи), нельзя называть его таким мерзким именем как Мурзик?.. С тех пор я ни разу не отозвался на обидное имя.

Хозяин, он же тупой... уж сколько раз, гипнотизируя его взглядом, я внушал, что негоже

такого милашку, как я, обзывать грязнулей (я имею в виду Мурзиком), а он словно не замечая моего презрительного фе!.. продолжал называть меня именем, которое я усердно игнорировал. Мою проблему, как всегда решил случай.

Как-то раз, переступая порог дома, Михаил споткнулся и влетел лбом в противоположную стену коридора, и чуть не свернул себе шею (...так ему и надо!..) и бешено вскричал:

— Разлётся!.. здесь... как у себя дома (...хм... интересно... а разве я ни у себя дома? Я просто уверен, что это он у меня в доме...). Решил что ты коврик?.. — и, отвесив пару пинков под зад, невзначай окрестил меня новым именем *Коврик*.

С тех пор я всё чаще слышал от хозяев непривычное для меня имя *Коврик*, в основном, когда об меня спотыкались у порога. На мой взгляд, это имя было не менее ужасным, чем Мурзик, зато оно основательно закрепилось за мной, ввиду искреннего согласия с ним моего хвоста, вернее его кончика, который то и дело предательски реагировал на призыв. *Ковриком* я был не только когда валялся, где не попадая, но и потому, что моя шерсть была длинной, мягкой и пушистой. Раз доля истины в наречённом имени присутствовала, пришлось с ним смириться.

Кстати, есть у меня и неприятная кличка. *Половик* ом меня оскорбляют в основном за то, что

я путаюсь у всех под ногами. Каждый раз члены семьи чертыхают меня на пороге, когда придя домой, наступают на мой хвост (словно это я им на хвост наступил... странно... мне их логику не понять). За непослушание и проказы меня всегда удостаивают ругательным именем Половик.

Бывают и приятные моменты в моей жизни, когда хозяева, выказывая свою любовь, чешут мою полосатую как у тигра великолепную спинку, приговаривая: «Коврик... Коврик...». Уж я-то, купаясь в ласках хозяйки, отрываюсь на полную катушку, урчу словно кларнет, изгибаясь под нежной рукой, словно гуттаперчевый мальчик. Дозволяя гладить свой живот, я намекаю ей на глубочайшее доверие. Жаль, что почесушки случаются крайне редко из-за несовершенства бытия.

Однако, стоило мне, возгордившись продефилировать перед домашними надменным шагом, выставляя напоказ собственную значимость и властность (всё ж таки я *кот*, а не какая-нибудь мышь под веником), как они меня тотчас же саркастично величали *Ковром* ... ну типа местный Ковёр (*Король*) вышагивает.

Эти клички навесил на меня милый старикан, и флаг ему в руки... пусть так! Но я принципиально ни разу не отзовусь на первое имя — Мурзик, потому что считаю себя чистюлей, который две

трети жизни лижет свою попу и всё что её окружает.

Я остался жить в большом одноэтажном доме и с годами смирился с дурацким прозвищем Коврик. Хотя справедливости ради, данное имя определяет мой образ жизни, ведь я днюю и ночую на пороге дома, исполняя высокую миссию по охране жилья. Невзирая на полное презрение хозяев к моему возлежанию, я таки честно исполняю свой долг. С тех пор как об меня каждый член семьи, уверяю вас, ни один раз вытер ноги, я до икоты ненавижу порог, но меня к нему тянет с силой магнетизма, потому что врождённое любопытство и неистребимое желание знать всё с первых рук с годами только усугубилось.

Воинственный окрас достался мне по наследству от папы, а поперечные полосы от мамы. Устрашающее рваное чёрное пятно в пол морды, удачно скрывало милую рожицу. Да! Я рыжий! И не стесняюсь этого. Моя рыжая шерсть, торчащая дыбом, всегда предупреждала о готовности атаковать и шипеть по любому поводу.

Забыл сказать, что в принципе меня на привязи в доме никто не держал. В любое удобное время, я покидал его через маленький вход внизу наружной двери, прикрытой от посягательств чужаков куском линолеума.

Вот скажите если я не прав, каждый двуногий

считает, что коты катаются как сыр в масле по сравнению с ними. Однако не каждый способен заметить подводные камни в сытой жизни кота.

Чем я недоволен, спросите вы? Ответ вы найдёте в моих рассказах и, дослушав последний до конца, надеюсь, измените своё представление о сладкой жизни моих пушистых собратьев...

— Погодите-ка, кто это там за дверью возится... — насторожив уши, я прислушался, — наверное, Михаил пришёл.

Скрипнула дверь, и я в стотысячный раз узрел над головой приземляющийся на мой хвост ботинок сорок пятого размера, а следом услышал до боли знакомую яростную тираду хозяина, чуть снова не оттоптавшего мой хвост.

— Половик!.. Какого чёрта?! Вечно ты валяешься здесь!.. Ты что, оглох?! Не слышишь, что я пришёл?..

— И что из того, что я слышу? Я за-нят!.. Щас же... разбежался... уступать место... не велика честь... перешагнёшь... а кто мои байки будет рассказывать людям?.. ты что ли? Что ты о нас котях знаешь? — я невозмутимо ожидал извинений.

— Брысь!.. — Михаил чертыхаясь, поддел меня ногой, да так ловко, что я подлетел на полметра. — Найди себе другое место для возлежаний... тебе углов мало?..

— Мяс-у!.. — протяжно взвизгнув, я умчался под кровать, прочесав спину поперечным краем доски с головы до хвоста. — Яий!..

Это было больно... блин! ...не вписался. И где только у моего хозяина мозги? Я каждый день тут лежу. Под ноги надо смотреть! Каждый раз, проклиная забывчивость старика, я всё ж не покидал сторожевое место.

В изголовье кровати, вернее под ней... я на всякий пожарный случай забаррикадировался старыми коробками, чтобы враг не отыскал. Притулившись на них, я горевал: «Снова мне досталось ни за что!»

Отсидевшись в тёмном углу, я осторожно выглянул из-под кровати, понаблюдать реакцию хозяина, злится или нет. Сделав правильный вывод, я гордо словно Король проследовал из засады на кухню, где хрустя челюстями, хозяин Михаил обгладывал куриную голень, и сунулся в миску. Обнюхав пустую посуду, я напомнил, скребя лапой по полу, самому жадному хозяину, что пора бы и мне перекусить, разъясняя недотёпе на кошачьем сленге, что надо делиться мясом (ведь я же *кот*, а не какой-то травоядный кролик).

Наконец-то, он заметил мои танцы вокруг миски и вопросительно поднял бровь... жлоб!.. Для верности я потёрся о ноги, поднялся на задние лапы и помахал сложенными передними, словно кенгуру,

чтобы заслужить ну если не мяса, то хотя бы ложку сметанки. Завершив ритуал вымогательства, я сел, отвернувшись задом к миске, и замер в ожидании просветления ума моего хозяина, и как мог, держал марку, ни чем не выдавая нетерпения (ах!.. если мне не удастся его разжалобить, то уж точно устрою ему сюрприз в туалете... уж попомнит он меня).

Михаил оторвал от стула пятую точку, открыл холодильник и вынул заветную баночку. Уши и хвост всё ж достались мне по наследству от предка-предателя... они заёрзали... блин!.. синхронно... выдав меня с головой. Лишь бы не обмануться, что этот жест хозяин сделал ради меня. Я сидел неподвижно, боялся дышать, а вдруг передумает, но затылок всё же сообщил, что ложка сметаны легла на дно моей миски. Я радовался, что меня поняли. Мои уши, словно локаторы, развернулись в пол оборота, чтобы не пропустить малейшего движения руки дающей, а сердце от счастья колотилось в два раза быстрее.

— Е-ес!.. он сделал это... всё же способность передавать мысли на расстоянии у меня от моих космических прадедов, — и я приложился к мисочке и навернул половину выданной пайки. Спустя дюжину минут я уже снова лежал у порога в ожидании хозяйки, вдруг снова обломится чего-нибудь выпросить.

— Ну, что?.. Продолжим?.. Так о чём я там философствовал?.. Ага, вот... вспомнил.